

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И МОЛОДЁЖЬ

Пока мы радуемся первым успехам нашей уставшей от кризисов экономики и умиляемся растущему богатству государства, молодые люди спешно избавляются от бремени лишних знаний.

Так им легче усваивать культуру, которую предлагает нынешний рынок. Знания по истории отечества только помешают наслаждаться выпекаемыми на скорую руку историческими романами, лишние знания в политэкономии не дадут безмятежно радоваться инновационным методам экономики, а знания русской грамматики не дадут спокойно смотреть рекламу.

Ольга Чернолицкая

В свою очередь лишние знания молодёжи вообще не нужны нынешнему производителю многочисленных товаров и услуг. Из молодых людей производители игр, медиа, компьютеров, мобильных телефонов спешно создают общество потребления, не оставляя покупателям времени на занятия, не требующие дополнительного оснащения, за которое производители желают получать деньги и наращивать свои обороты и мощности. Мы были в этом отношении обществом недопотребления: ходили в библиотеки и бесплатно читали книжки.

Молодёжь в прямом соответствии с тезисом Исидора Изу стала «пролетариатом общества потребления», а пролетариату, как известно, нечего терять, кроме своих цепей. Отсюда просто-таки элlochкилюдоедская тяга ко всему, что кажется содержанием, не являясь таковым: к красивым «погремушкам», счастливые обладатели которых получают пропуск в молодёжную субкультуру. Общество потребления — социальный организм, работающий на производство, которое можно с полным основанием назвать целью-в-себе. Оно претендует на приобретение репутации полезного и содержательного, не являясь ни тем, ни другим. Общество потребления характеризуется:

- а) избыточностью приспособлений для совершения действий, которые могут совершаться при меньших тратах;
- б) ориентацией на непрерывное производство новинок, глядя на которые молодёжь кричит «круто» и покупает, а если это не «круто», но практически, что соответствует покупательским вкусам поколения недопотребителей-консерваторов, то это «отстой»;
- в) всесторонней поддержкой инновационного мышления (мода как механизм манипулирования сознанием);
- г) финансовыми ловушками, самой невинной из которых выглядят многочисленные «лохотроны» типа мобильных конкурсов «угадай призовое число от 1 до 100 000 000 с подсказками — слева оно или справа», за каждую из которых молодые люди с удовольствием отдают по доллару или половине оно, — и в результате всё-таки выигрывают (получают картинку или мелодию на мобильник!);
- д) статусной поддержкой неразборчивого потребителя (прилично иметь лишь самое дорогое, сколь бы функционально излишним оно ни было).

По сути, само производство выбрало молодёжь как самую податливую прослойку и требует её «экономизации». Если и есть среди молодёжи бедные, то они, исключённые из общества потребления, автоматически выходят и за рамки субкультуры. Разумеется, они стараются исправить положение, но не путём развития духовного жизненного опыта, не противопоставлением подлинных ценностей обществу потребления, а уподоблением своим сверстникам. Они открывают в себе внутренние ресурсы, чтобы стать богаче, успешнее. А для этого нужно быть послушнее: внимательно прислушиваться

к работодателю и веяниям времени; читать то, что сегодня вышло из типографии, получило престижную премию; слушать лишь последние хиты; играть в социальные игры, в которые именно сейчас играют миллионы сверстников.

Общество не даёт человеку возможности быть недопотребителем, оно скывает его и делает механизмом, приложением к компьютерам, мобильникам, не собственно человеком. «Мораль и философия недопотребления... была существенно необходима во времена недопроизводства; но в век машин, в эпоху, когда люди научились связывать свободный азот воздуха, недопотребление стало прямым преступлением против общества»¹.

Герои Хаксли, разумеется, перегибают палку, но не следует впадать в манихейство и воспринимать материальные ценности как зло, а молодёжь видеть как обураваемую злыми силами и пороками организацию, которую нужно немедленно спасать, причём именно от потребительских пут. Ничего, кроме очередного идеологически спровоцированного конфликта поколений, это не даст. Тем более что в нашей стране были уже попытки заменить общество потребления потребительским стандартом. Жестоко, но справедливо взбунтовалась именно молодёжь. Понятие «трудный подросток» в советское время стало не столько психологическим, сколько социальным. Подросток, решающий своими силами социальные проблемы, мог и не иметь психологических отклонений, хотя, согласно теории А. Маслоу, они неизбежны в случае подавления способностей и невозможности самореализации. Выразитель социального протеста — «трудный подросток» — самоактуализировался лишь тем, что, нагрубив старшим, отрастил себе волосы и надел джинсы; так он воспротивился потребительскому стандарту. В то же время подросток оказался здоровее сдерживающего

потребление общества: он унаследовал от своих дедов полноценную психологическую структуру потребностей, направленных на обновление. «Трудный подросток» первым воспротивился и потребительскому стандарту в книжной торговле, пионерско-комсомольской журналистике. Зная, что его родители и старшие братья читали классику, он отклонил и её. Поскольку литература для молодёжи обновляется куда медленнее, чем происходит смена поколений, то серьёзное чтение оказалось для молодых в разряде непрестижных занятий. Подстёгивать писателей, чтобы они работали на общество потребления, — тоже тупиковая задумка. Во-первых, качество, во-вторых, время. Можно сколько угодно в рамках организации молодёжного читательского университета объявлять конкурсы на лучшее произведение для подростков — при нынешнем темпе жизни произведения будут устаревать раньше, чем смогут реально дойти до читателя. К тому же одобренная зрелым обществом игровая молодёжная модель может оказаться недостаточно интересной для молодых как признанная за эталон представителями старшего поколения. «В силу полного обесценивания навыков советской жизни предки не могли научить потомков ничему вообще, — категорично заявляет К. Крылов, — даже привить им свои кулинарные привычки, поскольку и еда стала другой. С другой стороны, «новая жизнь» настала для всех сразу. Её освоением занималось всё общество в целом. Все, невзирая на возраст, попали в ситуацию «молодых», но без преимуществ молодости»². Разумеется, эта ситуация может быть переложена и на книгоиздание — мы получаем в массе своей литературу, рассчитанную на молодых, но не имеем преимуществ молодости — быть в неведении относительно её художественной правдивости и ценности.

¹ Хаксли О. О дивный новый мир / Пер. с англ. О. Сороки. СПб.: Азбука-классика, 2005.

² Крылов К. Молодёжь: введение в проблематику. М.: АПН, 2005.

Определяющим же является тот факт, что нёсшая духовные ценности собственно детская и подростковая литература сейчас испытывает кризис. И не потому, что исчерпала себя, а потому, что детский мир оказался куда серьёзнее. Полноценное партнёрство в обществе потребления укрепило подростков в праве считаться взрослыми.

Проблема детской взрослости стара как мир. «Ребёнку можно говорить всё», — считал Достоевский и всегда держался этого правила. Его герой Коля Красоткин на равных серьёзничает с Алёшей Карамазовым, а сам Достоевский, находясь в почтенном возрасте, говорит двадцатилетней девушке «о том, как он четверть часа стоял перед боязнью смертной казни», то есть о самых страшных минутах своей жизни...

На фоне переживаемого нами потребительского бума с «пролетариатом потребления» во главе любая попытка дать молодёжи что-либо из ценностей «общества недопотребления» выглядит бессмысленной, не способной что-либо изменить. Но и сдвиг традиционного книгоиздания для молодёжи в сторону потребления может не поспеть за переменами в сознании и не дать нужного результата. «Ножницы» между достижениями прогресса и их культурной оправданностью слишком велики. В менее подвижный в отношении моды век Достоевский писал: «Цивилизация есть, и законы её есть, и вера в них даже есть, но — явись лишь новая мода, и тотчас же множество людей изменилось бы. Конечно, не все, но зато осталась бы такая малая кучка, что даже... ещё неизвестно, где бы мы сами-то очутились: между сдираемыми или сдирателями?»³

Поскольку свобода от общества потребления вряд ли возможна, — оно сковывает человека, и лишь разум и здоровый консерватизм среднего возраста способны как-то реально противостоять ему. Наша задача — переориентировать подростка, пока это ещё возможно, на личное творчество, не освобождающее творца от цивилизационных пут (это было бы утопией), а делающего его свободным внутри самой цивилизации. Чтобы внутри цивилизации он находился в духовной безопасности. И помочь ему в этом может только книга.

Книга — духовная защита человека. Но её нужно уметь читать, а не потреблять, требуется участие читателя в тексте. По мнению В. Изера, участие читателя в тексте невелико там, где позиции автора и читателя совпадают, и относительно велико там, где мнения читателя и автора расходятся. Только поворот от тематически обусловленного взгляда в область проблематики обращает читателя к собственной внутренней психологической жизни, а от неё — к творчеству. Настоящий читатель — он спорщик и сотворец автора, он сам писатель внутри своего интеллектуального мира, тем более богатого, чем больше творческой энергии задействовано в усвоении культуры. Благодаря ци-

визационным механизмам, культура может, разумеется, усваиваться легче, но она минует творческую энергетику и не становится частью личности — лишь средством к достижению близких целей, связанных с пресловутым потреблением.

Нельзя забывать, что культура (в том числе молодёжная культура) существует, пока она работает. Но подросток не ищет собственно культуры, — в системе ценностей она возникает лишь в процессе делания. Он пока ищет признания одним из доступных ему способов — освобождаясь от диктата общества, при этом попадая под диктат инстинктов, в том числе и социальных. Его критическая ирония, использование сленга (пустых форм речи) — это протест против лжи, которую мы пытаемся обратить ему во благо, заигрывая с ним, делая его на словах равным нам, а на самом деле оставляя за рамками взрослого социокультурного мира. А он в свою очередь не хочет знать о каких-то иных отношениях, кроме как признания себя равным всем. В своём самообмане подросток представляет, что он такой, как все, радуется своей свободе, хотя и живёт в лоне семьи, которая его защищает. Но его всё равно, несмотря на полноценное потребительское функционирование, в мире взрослых не признают пока равным. Порой взрослые думают, что современным подросткам нужно одно удовольствие — и всё. Но для развитого молодого человека гораздо важнее социальное признание. «Психологи разделяют потребности на первичные и вторичные, — констатирует в своём дайджесте исследований молодёжной субкультуры Вера Вдовиченко. — Первичные по своей природе являются физиологическими и, как правило, врождёнными. Это потребности в пище, воде, воздухе, безопасности, сексе и т.п. Вторичные потребности имеют психологическую природу. Они выражаются в желаниях: власти, славы, успеха, уважения,

³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877, февраль. «О сдирании кож...»

привязанности и т.д. Вторичные потребности людей различаются в большей степени, чем первичные»⁴.

Но именно последние, как мы помним из «Феноменологии духа» Гегеля, разделили людей на рабов и господ на заре цивилизации. Господами, по мнению йенского философа, стали те, для кого потребность признания оказалась сильнее страха смерти, иными словами, те, для кого вторичные потребности оказались сильнее первичных. На заре цивилизации люди с доминантой вторичных потребностей получали всегда меньше того, чем жертвовали, и, разумеется, того, на что надеялись. Современный молодой человек ради признания также может жертвовать многим, он экстремал и не очень-то дорожит своей жизнью и здоровьем. Но его риск столь же мало оправдан, как и риск его предков. Воровство ради «прикола», а на самом деле ради признания, вещей из бутика завоевывает внимание сверстников на день, не более. Потом приходится совершать что-то ещё столь же опасное, чтобы закрепить свой успех. Или он готов, например, ради завоевания многочисленных друзей в Интернете (дабы они все включили его в френд-ленту) часами читать и комментировать их пустейшие высказывания. Время, потраченное на столь «плодотворное» общение, разумеется, потеряно впустую — все «френды» исчезнут, стоит ему только выйти из Сети. Многие молодые люди по-настоящему завидуют взрослым: если у тех есть какой-то общественный авторитет, то он устойчив и не требует каждодневного риска.

Молодой человек готов пожертвовать жизнью, чтобы войти ради того же «прикола» в другую реальность, и становится наркоманом. Вадим Штепа задаётся резонным вопросом: «Насколько здорово само это «здоровое общество», многие дети которого предпочитают любыми путями — вплоть до потери здоровья и жизни — вырваться за рамки навязанной им реальности?»⁵

Обвинять во всём реальность — просто. Однако подлинное становление

личности как раз и происходит в преодолении и преобразовании реальности. Те, кто сумел избежать наркотиков, очевидно, внутренне, интуитивно, поняли, что наличная реальность не исчерпывает всех человеческих возможностей. Они не захотели ограничивать себя ни рамками реальности «здорового общества», ни тем более рамками той «реальности», которую дают наркотики. Они открыты переменам и стремятся превзойти себя.

Не получая устойчивого социального признания, молодые люди закрепляют за собой свободу выбора «быть не такими». И свободу подлинного выбора они заменяют возможностью купить самую навороченную технику и изъясняться на языке, на котором совершенно невозможно выразить ни национальной идеи, ни любви, ни внятной мысли.

Всё это так далеко от реальности, что можно говорить о некоей секте, объединяющей подростков всего мира, выбравших единого бога, наиболее полно выражающего их недовольство собственной социальной незрелостью. В эту общину единоверцев они не пускают чужих. И взрослые, пытающиеся навязать им свои идеалы, обречены на неудачу. Стыдно, когда они начинают говорить о них на сленге, чтобы быть понятыми и принятыми в молодёжной среде.

Прав всё-таки Достоевский, призывавший взрослых говорить с детьми серьёзно и обо всём. Ведь и язык подростков, и вся «навороченность» их субкультуры — лишь атрибуты несчастного сознания, не способного получить желанный общественный статус, который мы, взрослые, уже давно получили и которым так давно уже не дорожим. Единственная возможность разрушить это несчастное сознание — войти в его сферу — серьёзно, как к равным себе, — и осветить её изнутри настоящей литературой и настоящей жизненной философией. Всё это уже выработало человечество. И нет смысла подросткам оставаться в своих заблуждениях, а нам, взрослым, подыгрывать им в этом. **НО**

4

Вдовиченко В.П. От детства к взрослости: Юношество. Социализация. Библиотека. // Школьная библиотека. 2005. № 8. С. 24–25.

5

Штепа В.В. Риптопия. Екатеринбург, 2004. С. 193.